

УДК 327, 94(4)

Дмитрий БУНЕВИЧ¹

ПЕРЕСТРОЙКА В СССР И ТРАНСФОРМАЦИЯ ПОЛЬСКОЙ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ

Аннотация. В статье рассматривается влияние политики перестройки на внутривнутриполитическую ситуацию в Польше во второй половине 1980-х гг. Кратко характеризуется отношение ведущих политических сил страны (умеренной и радикальной оппозиции) к новому внешнеполитическому курсу М. Горбачёва. Опровергается тезис о том, что правительство В. Ярузельского не поддерживало курс на реформы в социалистическом лагере. Делается вывод, что польские диссиденты, пришедшие к власти в стране во многом благодаря новой политике Москвы, упустили исторический шанс на строительство новых равноправных польско-российских отношений.

Ключевые слова: Польша, СССР, перестройка, трансформация, политический транзит, “Солидарность”, Восточный блок, “круглые столы”, геополитика.

Восточная Европа, претерпела существенные изменения в результате политики перестройки, сравнимые с территориями бывшего СССР. Всего за несколько лет была полностью перелицована геополитическая карта этой части континента: исчезли крупные военно-политические (ОВД) и экономические (СЭВ) объединения, распались одни государства (Чехословакия и Югославия) и объединились другие (Германия), полностью изменился социально-экономический и политический уклад стран региона, началось их движение в сторону евроатлантических структур.

При этом советское руководство, начиная преобразования, не было всерьёз озабочено судьбой стран этой части Европы, на протяжении четырёх десятилетий считавшейся зоной “особых интересов” Москвы. Как отмечал по этому поводу А. Черняев, помощник М. Горбачёва по внешнеполитическим вопросам: “Что касается социалистического содружества, то я не замечал у Горбачёва интереса к нему... Наблюдая Горбачёва и слушая его суждения, я, и не только я, чувствовал, что он без энтузиазма идёт на контакты с лидерами соцстран, с трудом соглашается на визиты и явно не склонен демонстрировать “свою руководящую роль” [Черняев, 1993: 81–82].

Тем не менее исторические последствия новой советской политики оказались для стран Восточной Европы колоссальными и по-прежнему требуют вдумчивого осмысления, если современная Россия хочет выстроить конструктивные отношения с этими “новыми европейскими государствами” и избежать ошибок, допущенных советскими руководителями. Интересно в этой связи рассмотреть пример Польши, которая тогда была одним из самых важных для Москвы участников Восточного

© *Буневич Дмитрий Сергеевич* – аспирант Отдела исследований Центральной и Восточной Европы Института Европы РАН. *Адрес:* 125009, Россия, Москва, Моховая ул., 11-3. *E-mail:* d_bunevcih@rambler.ru

DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope62016137144>

блока, а сегодня стала одним из наиболее успешных и при этом критически настроенных к новой России государств этой части Европы.

Пришедший в 1985 г. к власти в СССР М. Горбачёв инициировал широкую программу преобразований, вошедшую в историю под названием “перестройка”. Одним из ее ключевых элементов стало “новое политическое мышление” в международных делах, понимавшееся советским руководством, как “реакция на философском, а потом и на политическом уровне на те вызовы, с которыми встречаются и отдельные страны, и весь мир на данном переломном этапе” [Брутенц, 2005: 131]. Советский Союз начал декларировать свою приверженность “общечеловеческим ценностям”, а также провозгласил готовность к диалогу и сотрудничеству со всеми странами, вне зависимости от господствовавших идеологических установок.

Начало реализации основных положений “нового политического мышления” по отношению к Восточной Европе справедливо будет отнести к весне 1986 г., когда, возвращаясь в апреле 1986 г. с проходившего в Берлине XI съезда Социалистической единой партии Германии, М. Горбачёв принял участие в X съезде ПОРП в Варшаве.

В ходе своего выступления на съезде советский лидер, подняв проблему противостояния властей и независимого профсоюза “Солидарность”, заявил о том, что “польский кризис не был протестом рабочего класса против социализма. Это было прежде всего несогласие с теми искажениями социализма на практике, которые больно воспринимались рабочими. Противники социалистической Польши внутри страны и за её пределами сумели использовать такое несогласие в своих целях” [Десятый съезд ПОРП, 1987: 87].

В определённом смысле это было неожиданное признание: советский лидер откровенно заявил съезду польских коммунистов, что требования протестующих рабочих (т.е. требования “Солидарности”) были справедливы, и даже допустил возможность того, что эти требования оправданны.

Впоследствии сам инициатор перестройки, вспоминая о своём выступлении на съезде ПОРП, писал: “Помню, как трудно давалась мне речь, с которой я выступил перед польскими коммунистами. Тогда я не был ещё свободен от пут традиционных понятий, но уже остро чувствовал, насколько трудно объяснить с их помощью реалии жизни, а тем более наметить перспективу” [Горбачёв, 1995: 337].

В этой связи интересны также и воспоминания одного из ближайших сподвижников М. Горбачёва в высшем советском руководстве СССР, идеолога перестройки А. Яковлева, который отмечал: “Конечно, то, что происходило в Польше, имело влияние на происходящее в СССР. Это не значит, что в 1985 г. мы чего-то испугались или случилось нечто небывалое, что подтолкнуло нас к реформам. Произошли изменения в менталитете. Мы поняли, что тенденция идёт в другую сторону. Не в сторону Хонеккера, Живкова, Чаушеску, а совсем в другую. Мы также осознали, что, удерживая советскую (т.е. сталинскую) модель государства, мы просто плывем против течения, что мы в тупике. Я помню разговор с Горбачёвым на эту тему у него на даче” [Яковлев, 2005: 83].

Новые настроения, царившие в Москве, довольно быстро осознал и польский лидер В. Ярузельский, которого связывало с М. Горбачёвым многолетнее знакомство. Он высоко оценил перспективы политики “нового политического мышления” для реализации польских национальных интересов. Необходимо подчеркнуть, что В. Ярузельский, несмотря на готовность поднимать трудные проблемы двусторонних отношений, связанные с историческим прошлым, настаивал на сохранении ПНР в системе социалистических государств¹. Так, во время встречи с папой рим-

¹ Стоит подчеркнуть, что В. Ярузельский, несмотря на свою репутацию жёсткого лидера,

ским Иоанном Павлом II в июне 1987 г., касаясь вопросов реформирования страны, генерал заявил: “Мы поддержим любую реалистическую инициативу. Существует только одна граница: уважение польских государственных интересов, принятие социалистических принципов нашего государства” [Ярузельский, 1988: 409].

Каждый визит М. Горбачёва в Польшу во второй половине 1980-х гг. приводил к оживлению в обществе дискуссии по общественно-политическим вопросам, поскольку советский лидер при всех сомнениях польского общества в его искренности и последовательности воспринимался как инициатор и символ демократических преобразований не только в СССР, но и во всём восточном блоке. Комментируя визит высокого гостя из Москвы в 1988 г. В. Ярузельский отмечал, что польское правительство полностью поддерживает курс на дальнейшую демократизацию, если это не включает в себя создание неподконтрольных профсоюзов и оппозиционных правительству партий [Skorzynski, 1995: 81].

Однако среди польских оппозиционеров того периода существовало и другое отношение к реформаторским инициативам советского руководства. Так, например, в радикальной Польской социалистической партии – Демократической революции (ПСП – ДР) господствовало мнение, что перестройка отвечает интересам только номенклатурных слоёв, которые таким образом пытаются сделать более уважаемой свою власть и придать ей видимость законности и демократичности [Goraczka czasu przelomu, 1995: 24].

Вместе с тем представители умеренной оппозиции в лице А. Михника, Я. Куроня и Л. Валенсы видели в перестройке шанс на внутренне переустройство Польши на основе демократических начал. Так, в ходе знаменитых дебатов Л. Валенсы и лидера проправительственных профсоюзов А. Медовича осенью 1988 г, лидер оппозиционеров особенно подчёркивал, что сложившиеся в восточном блоке и СССР обстоятельства дают Польше уникальный исторический шанс на проведение реформ, которым необходимо воспользоваться: “...история не простит нам, если мы не используем этих условий. Благоприятствует и климат почти во всех странах нашей системы. Особенно в Советском Союзе. Однако там идут в реформах гораздо дальше, осуществляют на деле то, за что боролась и борется до сих пор “Солидарность”. Поэтому нужно не мешать перестройке, а на основе собственного опыта одной и другой стороне выйти навстречу, прежде всего устремлениям молодёжи” [Брониславский, Вачнадзе, 1990: 123].

Подчиняясь общественному запросу, даже представители власти всё чаще говорили о польском суверенитете, подчёркивая, правда, что он и так уважается Советским Союзом. Так, за месяц до начала переговорного процесса с оппозицией секретарь ПОРП Ю. Чирек в беседе с итальянскими журналистами отмечал: “Мы предлагаем “Солидарности” вместе и постепенно строить польский плюрализм, который прошел бы через период национального соглашения, социального перемирия. Перемирие позволит нам совместно выработать новые формы республиканских институтов и новые правила игры, определить новые пути к согласию и дискуссии... Мы с советскими товарищами ищем разные решения для разных ситуаций. Но понимание с каждым днём становится всё полнее, существуют совпадения взглядов по главным

поддерживал усилия М. Горбачёва по демократизации социалистического лагеря и был одним из сторонников политики перестройки в восточном блоке. Как вспоминал А. Яковлев: “за перестройку были Ярузельский, Кадар и, конечно, мы. Категорически против – Чаушеску, Живков и Хонеккер. Чехи были где-то посередине, уходили от ясной поддержки какого-либо варианта”. См. “Солидарность” и перестройка глазами Александра Яковлева... С. 82.

целям. Теперь Восточная Европа может попробовать пойти к перестройке национальными путями. Наконец-то Советский Союз уважает независимость и суверенитет Польши, наконец-то доктрина Брежнева умерла” [La Repubblica, 1989].

В ходе “круглых столов”, проходивших в феврале–апреле 1989 г. в Варшаве, вопросы внешней политики не обсуждались. Однако они стали перовой “бархатной революцией” в Восточном блоке, которые сначала привели к падению коммунистических правительств, а затем (что было закономерно) вывели эти страны из орбиты влияния Москвы. Говоря о последствиях “круглых столов” для советско-польских отношений необходимо подчеркнуть, что, с одной стороны, умеренные оппозиционеры смогли убедиться в искренности СССР, когда тот признал итоги “круглых столов” и принял на высоком уровне первого некоммунистического премьера ПНР Т. Мазовецкого.

Более того, встретившись после состоявшихся в соответствии с договорённостями “круглых столов” парламентских выборов 1990 г., завершившихся полным разгромом польских коммунистов, с первым секретарём ЦК ПОРП М. Раковским, М. Горбачёв назвал ПНР “опытным полем для других социалистических стран” и благодушно успокоил своего явно проигравшего схватку за умы поляков “товарища” тем, что “то положение, в котором Польша очутилась сейчас, исторически обосновано” [Раковский, 1989: 2]. Спустя некоторое время после завершения “круглых столов” один из лидеров консервативно-клерикального крыла диссидентов Л. Качиньский, размышляя о том, что в действительности было необходимо делать оппозиционерам в тот момент, писал: “Следовало перейти в наступление и добить коммунизм в Польше”. [Torańska, 1994: 110].

Демократизация общественно-политической жизни после завершения “круглых столов” привела к тому, что наряду с привычными заявлениями о необходимости сохранения “советско-польской дружбы” в прессе стали открыто излагаться и иные точки зрения.

Так, Польская независимая партия (ПНП) настаивала на пересмотре восточных границ страны, предлагая поставить на международной арене вопрос о проведении референдумов на территориях, отошедших после 1939 г. к Советскому Союзу (Украинской, Белорусской и Литовской ССР), и одновременно с этим требовала выдачи для суда в Польше советских граждан, подозреваемых в “геноциде польского народа” [Goraczka czasu przelomu, 1994: 134].

Возглавляемая Л. Мочульским КНП также получила трибуну для открытой популяризации концепции “Междуморья”: эксплуатируя страх перед “натиском русских с Востока” и “немцев с Запада” КНП обращала внимание на необходимость сближения народов Центрально-Европейского региона в целях совместной защиты собственного экономического и демографического пространства, политической независимости и национальной идентичности [Szczepanski, 1993: 3–4, 22].

Разумеется, представители посткоммунистического правительства, состоявшего в основном из умеренных деятелей бывшей оппозиции, официально никогда не позволяли себе подобных предложений. Напротив, посещая в конце 1989 г. Москву, Т. Мазовецкий, признав, что в отношениях внутри социалистического лагеря “многого надо менять” [Литературная газета, 1989: 2], подтвердил тем не менее желание Варшавы оставаться членом ОВД и СЭВ при условии серьёзных реформ этих международных организаций [Правда, 1989: 1].

Одновременно с этими декларациями преданности идеям советско-польской дружбы, польский премьер вскоре после своего назначения провозгласил “возвращение Польши в Европу” в качестве важнейшего приоритета политики своего кабинета [Zycie Warszawy, 1990].

То есть уже на самом раннем этапе существования первого некоммунистического правительства, состоявшего преимущественно из умеренных деятелей “Солидарности”, стала ощущаться определённая двойственность положения Польши. С одной стороны, постепенно трансформировавшаяся страна не спешила слишком быстро рвать давнишние связи с Москвой, но с другой – всё отчётливее заявляла о своём стремлении пойти навстречу Западу.

Наиболее острым вопросом в этой связи стала проблема безопасности и членства ПНР в военных блоках. Западные эксперты, внимательно следили за ситуацией, складывавшейся вокруг определения новых внешнеполитических приоритетов Польши, ведь ещё в 1985 г. Зб. Бжезинский обращал внимание на то, что Польша является “ключом к советскому контролю над Восточной Германией” [Dziennik Polski, 1985].

Анализируя ситуацию в конце десятилетия, американский стратег предлагал в качестве альтернативы членству в Польши в ОВД создание “польско-чехословацкой федерации”, которая стала бы “элементом силы и стабильности” в Восточной Европе [Brzezinski, 1989].

При этом часть видных польских военных руководителей, таких как адмирал П. Колодзейчик, предлагали в качестве альтернативы членству в ОВД нейтральный статус Польши и, возможно, других стран Центральной Европы, которые, отказываясь от вступления в военные альянсы, должны были, по их мысли, стать своеобразным “мостом между Западом и Востоком” [Rzeczpospolita, 1991].

Однако подлинным архитектором новой польской внешней политики стал министр иностранных дел К. Скубишевский, который сохранял свой пост дольше кого-либо из министров-членов первого некоммунистического кабинета¹. Только вступив в должность осенью 1989 г. он провозгласил, что Польша больше не станет мириться с “ролью пассивного участника развития международных отношений” [Trybuna, 1991].

Очевидно, что уже тогда новое правительство, состоявшее в значительной степени из бывших оппозиционеров, инициировало изменения внешнеполитического курса Польши, которые впоследствии привели к её полной переориентации с Советского Союза на страны Западной Европы и США [Foreign Policy, 1991].

Стоит отметить, что первоначально у советского руководства сохранялась надежда на то, что смена правящей элиты в Польше и приход к власти оппозиционеров не приведёт автоматически к переходу страны в западный военно-политический лагерь. Определённые основания для таких ожиданий были, ведь в принятой в июле 1990 г. новой оборонной доктрине Польши основной акцент делался на позитивных изменениях в международной ситуации и на перспективах развития сотрудничества между Востоком и Западом. То есть в первые полтора года своего нахождения у власти польские антикоммунистические силы стремились не к полному разрыву с Советским Союзом, а, скорее, к увеличению своей самостоятельности на международной арене. Вероятно, это было связано с двумя факторами: на многих руководящих позициях в “силовом блоке” и Войске польском по-прежнему находились лояльные Москве кадры, а в стране были дислоцированы советские воинские контингенты. Кроме того, в начале 1990 г. распад Восточного блока и дезинтеграция СССР ещё не казались предрешёнными. Однако стремительное ослабление Советского Союза и рост внутренних центробежных тенденций, а

¹ К. Скубишевский последовательно возглавлял МИД Польши в пяти составах правительства: Т. Мазовецкого (1989–1991), Я. Белецкого (1991), Я. Ольшевского (1991–1992), В. Павляка (1992) и Х. Сухоцкой (1992–1993).

также уход из правительства просоветских министров силового блока, позволили новому польскому руководству всё активнее заявлять о своей готовности не соглашаться с Москвой по принципиальным проблемам международной безопасности.

Так, в марте 1991 г. польской стороной было отвергнуто предложение СССР о заключении нового двустороннего договора, который бы предусматривал отказ Варшавы от присоединения к каким-либо военным блокам, которые могут представлять угрозу Советскому Союзу, а также гарантии того, что иностранные вооружённые силы не будут размещаться на территории Польши [Nowakowski, 1993: 82].

Кроме того, начиная с осени 1990 г. польское правительство всё активнее стало поднимать вопрос о выводе 50-тысячного контингента советских войск. Стоит отметить, что решать данный вопрос пришлось уже Российской Федерации, которая, испытывая постоянное давление польской стороны, завершила вывод войск к сентябрю 1993 г.

Таким образом, именно политика перестройки в СССР стала катализатором процесса преобразований внутриполитической жизни Польши, который впоследствии привел к системной трансформации в ПНР, одним из измерений которой стал пересмотр внешней политики государства.

Коммунистическое руководство Польши во главе с генералом В. Ярузельским в отличие от ряда руководителей других стран восточного блока не только не противилось новому курсу М. Горбачёва, но и активно поддерживало его. Поэтому нельзя согласиться с тезисом польского дипломата и историка Е. Новака, который, размышляя о восприятии политики М. Горбачёва элитой восточноевропейских стран, утверждает, что “идеи перестройки и гласности не были им ни близки, ни хорошо понятны” [Nowak, 2011: 107].

Напротив, польские коммунистические руководители были готовы провести реформы в стране и высоко ценили готовность Москвы поддержать их на избранном пути. Однако пришедшие в правительство бывшие оппозиционеры первоначально робко, а затем всё более последовательно стали менять внешнеполитический курс Польши: сокращать сотрудничество с Советским Союзом и стремиться к расширению партнёрства со странами Западной Европы и США в экономической и политической сферах.

Бывшие диссиденты, оказавшиеся в правительстве, по мере того как ослабевал Советский Союз, всё активнее заявляли о своём желании кардинально пересмотреть приоритеты внешней политики Польши и, как показало будущее, были готовы строить “общеευропейский дом” без советского “военного зонтика” над Польшей.

Как представляется, причины такого поведения некоммунистических руководителей Польши, последовательно усиливавших своё влияние в польском государстве в 1989–1991 гг., заключались в том наборе идеологических установок оппозиции, который сформировался у неё в 1970–1980-е гг.: неприятие ялтинских договорённостей 1945 г., отождествление авторитарного правления ПОРП с советской идеологией и советской внешней политикой, длительное существование в условиях биполярного мира, который не предлагал каких-либо альтернатив выбору между Западом и Востоком, апеллирование к опыту Второй Речи Посполитой как к образцу суверенного польского государства и восприятие распада Советского Союза в качестве гарантии польской независимости.

Конечно, говоря о значении пути, проделанном польской оппозицией в 1970–1980-е гг., трудно не согласиться с мнением известного социолога и публициста Э. Внук-Липиньского, который отмечал, что без этих многолетних усилий и того интеллектуального багажа, который был накоплен за годы борьбы диссидентов и властей ПНР, демонтаж социалистического режима и пересмотр основных

приоритетов внутренней и внешней политики “был бы более длительным и, скорее всего, сопровождался насилием и кровопролитием” [Внук-Липинский, 2005: 99].

Однако нельзя не признать также и то, что именно генезис польской оппозиции и сформировавшиеся в ней представления о международном положении Польши определили то, что далеко не все бывшие диссиденты смогли стать ответственными политиками, способными отказаться от стереотипов времён холодной войны и борьбы за демократизацию режима.

Именно на этих лидерах лежит ответственность за то, что был упущен исторический шанс, который дала политика перестройки для пересмотра советско-польских отношений на основе равноправного и взаимовыгодного сотрудничества. Инициированные в СССР реформы и поддержанная Москвой конструктивная позиция ПОРП сделали возможными проведение “круглых столов” и ненасильственный транзит власти в Польше, но их итогом стал приход к власти сил, нацеленных на дистанцирование Москвы и Варшавы друг от друга.

Не меньшая доля ответственности приходится и на тогдашнее советское руководство, которое, отказавшись от деструктивной “доктрины Брежнева”, не смогло (и даже не попыталось) сформулировать какую-либо привлекательную альтернативную стратегию в отношении своих союзников в Польше и других странах Восточной Европы.

* * *

Вызовы сегодняшнего дня (кризис внутри Евросоюза, углубление раскола между Россией и Западом, трагический конфликт на Украине) ставят перед российским и польским руководством в качестве объективной задачи необходимость поиска путей выхода из того тупика, в котором оказались двусторонние отношения по итогам прошедших десятилетий. Для этого необходимо, помимо прочего, критически переосмыслить наследие перестройки и сделать беспристрастные выводы из допущенных в прошлом просчётов и ошибок.

Список литературы

- Brzezinski Z. (1989) Europa Srodkowa wobec przemian swiatowych Warszawa: May9.
Doktryna obronna Rzeczypospolitej Polskiej // Rzeczpospolita, 26 lutego 1990.
Dziennik Polski, tydzien. 09.02.1985.
Foreign Policy Issues at the Start of 1991 / Address by the Polish Foreign Minister Krzysztof Skubiszewski in the Sejm Warsaw, February 14, 1991.
Goraczka czasu przelomu Dokumenty ugrupowan radikalnych. 1989–1990. Warszawa: ISP PAN, 1994.
La Repubblica 31.01.1989.
Nowa Polska czy jeszcze stara // T. Torańska. My. Warszawa: Most, 1994.
Nowak J.M. (2011) Od hegemonii do agonii: Upadek Układu warszawskiego – polska perspektywa. Warszawa: Bellona.
Nowakowski J.M., Polska polityka wschodnia W 1991 roku / Rocznik Polskiej Polityki Zagranicznej 1991. Warszawa, 1993.
Nowe Zycie Gospodarcze – 1999 – № 21.
Rzeczpospolita. 29.03.1991.
Skorzynski J. (1995) Uгода i rewolucja. Wladza i opozycja. 1985-1989. - Warszawa: Presspublica.
Szczepanski T. (1993) Międzymorze. Polityka srodkowoeuropejska KPN. — Warszawa: Print book.
Trybuna. 6-7.04.1991.
Zycie Warszawy. 19.01.1990.
Брониславский Е., Вачнадзе. (1990) Польский диалог. События в Польше глазами польских, советских, американских, английских, западногерманских и французских журналистов. Тбилиси: Ганатлеба.
Брутенц К.Н. (2005) Несбывшееся. Неравнодушные заметки о перестройке. М.: *Международные отношения*.
Внук-Липинский Э. (2005) “Солидарность”, “круглый стол” и общественные процессы в Польше // *Мир перемен*. № 3. С. 96–106.
Горбачёв М. Жизнь и реформы. М.: Новости, 1995.

- Десятый съезд ПОРП. М.: Издательство политической литературы, 1987.
 Литературная газета. 11.10.1989.
 Правда 25.11.1989.
 Раковский М. (1989) ПОРП извлекает уроки // *Аргументы и факты*. № 43.
 Солидарность и перестройка глазами Александра Яковлева, идеолога перестройки // *Новая Польша*. 2005. № 11, С. 81–84.
 Черняев А. С. (1993) Шесть лет с Горбачёвым. М.: Прогресс.
 Ярузельский В. (1988) Избранные произведения. Февраль 1981 – июль 1988 гг. М.: Издательство политической литературы.

References

- Brzezinski Z. (1989) *Europa Srodkowa wobec przemian swiatowych* Warszawa: May9.
 Doktryna obronna Rzeczypospolitej Polskiej // *Rzeczpospolita*, 26 lutego 1990.
 Dziennik Polski, tydzien. 09.02.1985.
 Foreign Policy Issues at the Start of 1991 / Address by the Polish Foreign Minister Krzysztof Skubiszewski in the Sejm Warsaw, February 14, 1991.
 Goraczka czasu przelomu Dokumenty ugrupowan radikalnych. 1989–1990. Warszawa: ISP PAN, 1994.
 La Repubblica 31.01.1989.
 Nowa Polska czy jeszcze stara // T. Torńska. My. Warszawa: Most, 1994.
 Nowak J.M. (2011) Od hegemonii do agonii: Upadek Układu warszawskiego – polska perspektywa. Warszawa: Bellona.
 Nowakowski J.M., Polska polityka wschodnia W 1991 roku / *Rocznik Polskiej Polityki Zagranicznej* 1991. Warszawa, 1993.
 Nowe Zycie Gospodarcze – 1999 – № 21.
 Rzeczpospolita. 29.03.1991.
 Skorzynski J. (1995) *Uгода i rewolucja. Wladza i opozycja. 1985-1989.* - Warszawa: Presspublica.
 Szczepanski T. (1993) *Міędzyморье. Polityka srodkowoeuropejska KPN.* — Warszawa: Print book.
 Trybuna. 6-7.04.1991.
 Zycie Warszawy. 19.01.1990.
 Bronislavskij E., Vachnadze. (1990) *Pol'skij dialog. Soby'tiya v Pol'she glazami pol'skix, sovet'skix, amerikanskix, anglijskix, zapadnogermanskix i francuzskix zhurnalistov.* Tbilisi: Ganatleba.
 Brutec K. N. (2005) *Nesby'vsheesya. Neravnodushny'e zametki o perestrojke.* M.: Mezhdunarodny'e otnosheniya.
 Vnuk-Lipin'skij E'. (2005) “Solidarnost’”, “kruglyj stol” i obshhestvenny'e processy' v Pol'she // *Mir peremen*, 2005 – № 3 – S. 96-106
 Gorbachyov M. *Zhizn' i reformy*. M.: Novosti, 1995.
 Desyat'j' s'ezd PORP. M.: Izdatel'stvo politicheskoy literatury', 1987.
 Literaturnaya gazeta. 11.10.1989.
 Pravda 25.11.1989.
 Rakovskij M. (1989) PORP izvlekaet uroki // *Argumenty i fakty*. № 43.
 Solidarnost' i perestrojka glazami Aleksandra Yakovleva, ideologa perestrojki // *Novaya Pol'sha*. 2005. № 11, S. 83.
 Chernyaev A. S. (1993) *Shest' let s Gorbachevym.* M.: Progress, 1993.
 Yarusel'skij V. (1988) *Izbranny'e proizvedeniya.* Fevral' 1981 — iyul' 1988 gg. — M.: Izdatel'stvo politicheskoy literatury'.

Perestroika in the Soviet Union and the transformation of the Polish foreign policy

Author. Bunevich D., PhD student, Department of Central and Eastern European studies, Institute of Europe, Russian Academy of Sciences. **Address:** 11-3, Mokhovaya street, Moscow, Russia, 125009. **E-mail:** d_bunevich@rambler.ru

Abstract. The article analyzes influence of “perestroika” on a political situation in Poland in the second half of the 1980s. The author summarizes the attitude of the leading political forces in the country (government, moderate and radical opposition) to the new foreign policy of M. Gorbachev. The article refutes the idea that the Polish government did not support the policy of reforms in the Eastern bloc. The conclusion is that the Polish dissidents, who came to power due to a new policy of Moscow, have missed a historic opportunity to build new advantageous Polish-Russian relations.

Key words: Poland, USSR, Perestroika, transformation, political transition, “Solidarity”, Eastern Bloc, “round tables”, geopolitics.

DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope62016137144>